

Я постоянно говорил себе, что восхищаюсь ее формой с точки зрения художника и что это естественное, понятное влечение. В конце концов, она была музой величайшего рисунка, который я когда-либо рисовал на бумаге. Но я также продолжал думать, что был неправ, находя ее сексуальной. Особенно когда я поймал себя на том, что рассматриваю ее шею, грудь, бедра, черт... любую ее часть на самом деле. Она начала прокрадываться в мои фантазии, когда я мастурбировал, что сильно беспокоило меня, если я позволял себе думать об этом. Я чувствовал, что не должен позволять себе предаваться подобным мыслям. Ради Бога, она была моей сестрой. Но она будет продолжать проникать в них, независимо от наших отношений.

Однажды я оказался в ее спальне, когда никого не было дома. Я стоял в дверях и вдыхал слабый запах ее тела. Я мог уловить намеки на духи, которые она предпочитала, одни из тех приятно мягких, что пахнут дождем. Я подошел к ее кровати и понюхал ее подушку, которая дала мне более сильное ощущение духов, а также ее естественный запах. Я почувствовал, как дернулся мой член, когда сделал второй и третий глубокий вдох. Это вернуло меня к реальности достаточно, чтобы выйти из комнаты, размышляя, в чем, черт возьми, моя проблема.

Как-то поздно вечером в субботу после работы я сидел наверху в своей комнате и рисовал. Эми гуляла с друзьями, а наши родители отправились на какое-то семейное уединение. Воспользовавшись тем, что дом был в моем полном распоряжении, я включил стерео и старый альбом Сиге так громко, что комната содрогнулась. Это меня очень обрадовало, и в обычное время я бы серьезно продвинулся в работе с холстом, но сегодня все никак не складывалось. Несколько минут я раздраженно смотрел на серо-голубые оттенки, пытаюсь понять, как добиться от них того, чего я хочу. Чего-то просто не было. Я в отчаянии швырнул кисть в стакан с водой и выругался про себя. Присев на корточки, я схватил тюбик черной краски и закачался на цыпочках, глядя на холст. Я боролся с этим же холстом уже неделю и уже несколько раз перерисовывал его. Это начинало меня откровенно бесить.

- К черту все, - пробормотал я и размазал большую полосу черной краски по холсту. Я схватил трехдюймовую кисточку и принялся за работу, размазывая все. Я все еще затемнял холст, когда альбом закончил играть, и некоторое время продолжал рисовать в тишине, когда услышал стук в дверь.

Слегка вздрогнув, я оглянулся через плечо и увидел Эми в зеленой блузке и черной юбке, прислонившуюся к дверному проему, сдерживающую слезы. Я бросил кисть на тряпку и поспешил к ней.

- Что случилось, Аманда?! - я уже много лет не называл ее настоящим именем и понятия не имел, почему сделал это сейчас.

Она крепко обняла меня за талию, и я обнял ее в ответ, забыв, что у меня все предплечья в краске. Господи, как хорошо от нее пахло! Что за время для таких мыслей! Мельком вспомнив свой визит в ее спальню, я слегка разозлился на себя.

- Этот гребаный мудака! Он спал с Кэти! - крикнула она мне в плечо. - Как он мог это сделать?

- Джефф? - спросил я, понимая, что это глупый вопрос, как только он сорвался с моих губ. Она кивнула, продолжая рыдать в мою рубашку. Я почувствовал влагу ее слез на своей груди и был полон ярости. Мне было больно видеть, как ей больно. - Черт побери, этот засранец.

- Я просто не могу поверить, что он это сделал, - всхлипнула она. - И у этой шлюхи были фотографии. Она показывала их всем.

- Мне очень жаль, Эми. - Я продолжал держать ее в объятиях, желая хоть как-то исправить ситуацию. - Все будет хорошо.

- Не понимаю, как, - всхлипнула она. - Я с ним покончила.

- Я чертовски согласен с твоим решением!

Я случайно взглянул на ее блузку и увидел черные пятна краски по всей спине и бокам, соответствующие моим рукам.

- О черт, Эми! Я испортил твою майку, прости! - воскликнул я.

Она посмотрела на свою блузку, повертела ее на своем маленьком теле и начала хихикать сквозь слезы. - Мне все равно. Это не имеет значения.

Последовала пауза, прежде чем она шмыгнула носом и снова обняла меня. - Пойду переоденусь. Но могу ли я... будет ли это нормально, если я вернусь после?

- Конечно, сестренка. Все в порядке. - Я подумал секунду, потом добавил: - Хотя какое-то время здесь будет плохо пахнуть. Просто предупреждаю. Я собираюсь использовать растворитель для краски.

- Я не возражаю, - она грустно улыбнулась, повернулась и вышла из комнаты.

Я включил большой вентилятор, который держал в углу, и открыл окно, прежде чем вытащить растворитель для краски. Работая так быстро, как только мог, я убрал кисти и вымыл руки. Я использовал как можно меньше растворителя для краски и сразу же закрыл бутылку, стараясь свести испарения к минимуму. Я закончил уборку и возвращался после мытья рук с мылом, пытаюсь заглушить запах, когда она вернулась. Она была одета в мою рубашку Einsturzende Neubauten и пару боксеров. Ее глаза все еще были полны слез, но она смыла тушь и теперь меньше походила на разъяренного енота. Увидев ее в рубашке, я вспомнил ту ночь, когда нарисовал ее спящую. Я почувствовал странное напряжение в груди при этом воспоминании, но пожал плечами.

Она бросила мне зеленую блузку и плюхнулась на кровать. - Ты прав, она уже испорчена. Используй её как тряпку для краски или что-то в этом роде.

- Извини, - я искренне чувствовал себя виноватым.

- На самом деле мне все равно. В этом нет ничего особенного. - Она откинулась на мою кровать и положила голову мне на подушку. То, как моя футболка сидела на ней, облекая ее тело, и то, как ее длинные, стройные ноги выходили из-под нее... это было сексуально. Она была сексуальна. И, казалось, без особых усилий. - На что ты уставился?

- Что? - спросил я, возвращаясь в фокус.

- На что ты уставился? - повторила она, оглядывая себя.

- Это моя рубашка, воровка, - ответил я, чувствуя себя полным придурком за то, что пялился на нее. И ещё больше за то, что поймали.

Она немного рассмеялась и сказала: - И правда.

Эми еще несколько мгновений смотрела на примитивную фигуру на рубашке и вдруг слегка задрожала. - Адам?

- Да?

- Если у тебя краска сошла... Мне бы не помешало еще одно объятие, - снова навернулись слезы.

Я сел на край кровати и крепко обнял ее, пока она плакала у меня на плече. Я не был жестоким парнем, но я действительно начинал думать, что несколько минут наедине с Джеффом и кирпичом действительно помогут мне почувствовать себя лучше в этом мире.

Она прижималась ко мне в течение нескольких минут, пока, казалось, не избавилась от этого. Она перешла от рыданий к всхлипываниям. Я продолжал спокойно успокаивать ее, пока в конце концов просто не заткнулся и не обнял ее. Через некоторое время она ослабила свою мертвую хватку. Ее взгляд упал на холст, над которым я работал.

- Итак ... - она откашлялась и вытерла глаза тыльной стороной ладони, - что это за картина?

- Хм? Что ты имеешь в виду?

- Зачем ты её закрашиваешь? - она указала на почти полностью затемненный прямоугольник.

- Все вышло совсем не так, как я надеялся. Я боролся с ней некоторое время и, наконец, решил сдаться. - Я оглянулся, вспоминая свое раздражение.

- Какая жалость, - сказала она, - это даже мило.

- А... истинная мера успешности искусства. Когда твоя сестра смотрит на твои усилия и находит их "довольно милыми", - я рассмеялся.

- Заткнись, придурок, - присоединилась она ко мне со смехом. - Ты знаешь, что я имела в виду.

Она встала и начала листать стопку холстов, прислоненных к стене. Просматривая их, она начала высказывать свое мнение о разных. Я был немного удивлен, потому что она никогда не проявляла особого интереса к моим вещам, и она сделала несколько хороших наблюдений. Но я ничего не сказал, потому что был рад, что она отвлеклась от этого придурка. Несколько часов мы болтали об искусстве, музыке, фильмах, ее предстоящей поездке в Рим — почти обо всем, кроме того, что ее расстроило с самого начала. Несколько раз ее голос срывался, а глаза стекленели, но я быстро реагировал, чтобы отвлечь ее чем-нибудь другим. В большинстве случаев это срабатывало. Я был удивлен, обнаружив, что она не была такой скучной, как я всегда предполагал, что моя младшая сестра выросла с того момента, как мы учились в средней школе. В то время как я увлекся музыкой и скейтбордингом, Эми стала болельщицей и принимала участие во всех видах студенческой деятельности. Мы отдалились друг от друга, и я стал воспринимать ее как стереотипную девушку. Какой же я был мудака, подумал я с легкой улыбкой.

В конце концов наступил момент, когда я был на середине речи о моей любви к Огням Итикавы, когда я понял, что она заснула. Что, по общему признанию, было в значительной степени тем, что я ожидал, когда я начал болтать о черно-белых японских фильмах. Я прекрасно понимал, что иногда слишком увлекаюсь кинематографом. Но она заснула в моей постели, черт побери. Я вздохнул, выключил свет в спальне и откинулся на спинку офисного стула, смирившись с тем, что всю ночь буду спать за письменным столом. Но я упал, возможно, чуть громче, чем планировал.

- Что ты делаешь? - сонно спросила она с кровати.

- Ложись спать, - тихо ответил я, - все в порядке.

- Чушь собачья, - пробормотала она, почти уткнувшись лицом в кровать, - иди сюда.

- Я в порядке, не волнуйся, - я опустил голову на сложенные руки на столе.

- Не говори глупостей, - она похлопала по кровати.

Я не знал, что я чувствовал по этому поводу, учитывая мою недавнюю фиксацию на ней. Но я все равно забрался в постель, чтобы не спорить. Она коротко, лениво обняла меня, и я почувствовал, как ее грудь без лифчика прижалась ко мне только на мгновение. В штанах у меня что-то дернулось, и я изо всех сил старался не обращать на это внимания. - Мы все время спали в одной постели, когда были маленькими, помнишь?

- Да, я помню. Но прошло уже лет десять, - ответил я, зевая и закидывая руки за голову. В те дни она была гораздо менее стройной, и я гораздо меньше осознавал свою любовь к противоположному полу. Несмотря на мою настороженность, через несколько минут мы оба уже спали.

<http://tl.rulate.ru/book/1897/52953>